

Владимир Обручев

ЗЕМЛЯ САННИКОВА

ПЛУТОНИЯ

Москва

2018

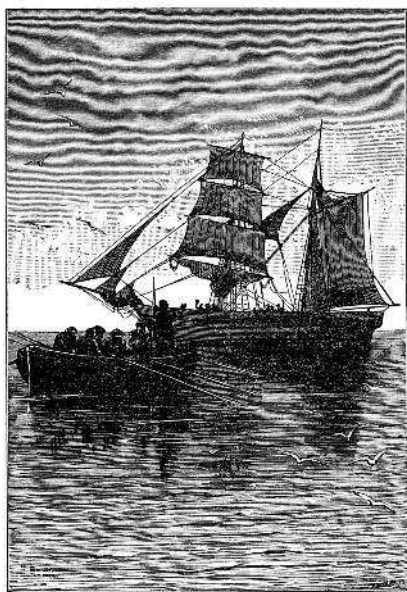
УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-24

Обручев, Владимир Афанасьевич.
О-24 Земля Санникова. Плутония / Владимир Обручев. — Москва : Эксмо, 2018. — 640 с. — (Всемирная классика приключений).

УДК 82-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-72776-6 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Земля Санникова

«А все-таки она существует!»

Первая половина торжественного заседания ученого общества, посвященного сообщением членов экспедиции, снаряженной для поисков пропавшего без вести барона Толля и его спутников, подходила к концу. На кафедре, у стены, украшенной большими портретами сановных покровителей и председателей общества, находился морской офицер, совершивший смелое плавание в вельботе¹ через Ледовитое море с Новосибирских островов на остров Беннетта, на который высадился барон Толль, оттуда не вернувшийся. Мужественное лицо докладчика, обветренное полярными непогодами, оставалось в полутени зеленого абажура лампы, освещавшей рукопись его доклада на кафедре и его флотский мундир с золотыми пуговицами и орденами.

За длинным столом перед кафедрой, покрытым зеленым сукном, заседали члены Совета общества — все видные ученые и известные путешественники, проживавшие в северной столице. В середине сидел председатель. Закрыв глаза, он, казалось, дремал под журчание голоса докладчика. Небольшой зал был переполнен.

Докладчик уже описал ход спасательной экспедиции, трудный путь с тяжелым вельботом, поставленным на нарты, через торосы полярных льдов от материка на Новосибирские острова, летовку на берегу Котельного острова в ожидании вскрытия моря, борьбу со льдами при плавании вдоль берегов и отважный переезд через море к острову Беннетта. Он охарактеризовал этот угрюмый остров, скованный льдами целый год, и описал наход-

¹ Вельбот — легкое гребное судно с одинаковыми остроконечными носом и кормой; его парусное вооружение состоит из разрезного фока; фок — нижний прямой парус на передней мачте корабля.

ку избушки Толля, оставленных им вещей и документа с описанием острова, заканчивавшегося словами: «Отправляемся сегодня на юг; провизии имеем на пятнадцать-двадцать дней. Все здоровы».

— Итак, — провозгласил докладчик, повысив голос, — двадцать шестого октября тысяча девятьсот второго года барон Толль, астроном Зееберг и промышленники якут Василий Горохов и тунгус Николай Дьяконов покинули остров Беннетта и пустились по льду на юг к Новосибирским островам. Но на последние они не прибыли, — наши поиски не обнаружили никаких следов. Куда же девались смелые путешественники? Нет никакого сомнения, что они погибли в пути. В конце октября в этих широтах дня уже нет, только два-три часа около полудня тянутся сумерки. Морозы доходят до сорока градусов; часты свирепые пурги. Но море еще не замерзло и богато полыньями. Путешественники, очевидно, попали во время пурги на полынью, едва затянущуюся льдом, и провалились. Или погибли, выбившись из сил, от голода и холода в борьбе с торосами, потому что собак у них не было и они сами тащили нарты, нагруженные байдарками и всем имуществом. Или, наконец, пытаясь переплыть на углых байдарках в полярную ночь через незамерзшее море, они потонули во время бури. Так или иначе, но они нашли вечный покой на дне Ледовитого моря, а Земля Санникова, которую Толль искал так долго и тщетно, не существует.

Докладчик сошел с кафедры. Слушатели были охвачены жутким впечатлением от заключительных слов доклада. Вдруг из задних рядов раздался громкий возглас:

— А все-таки она существует!

В зале произошло волнение. Послышались вопросы:

— Кто это? Что это за чудак?..

Председатель обвел публику строгим взглядом, встряхнул колокольчик и, когда зал затих, сказал:

— Предлагаю общему собранию членов общества и гостям почтить вставанием память погибших отважных путешественников: барона Толля, астронома Зееберга,

промышленников Горохова и Дьяконова, положивших свою жизнь на поприще науки.

Все поднялись с мест.

— Объявляю перерыв на четверть часа.

Сидевшие вблизи дверей быстро устремились к выходу. Члены Совета обступили докладчика, а один из них, тучный академик Шенк, известный исследователь, организатор и советчик экспедиции барона Толля, стал протискиваться к задним рядам. Среди шума сдвигаемых стульев и говора толпы раздался его громкий голос:

— Я прошу лицо, которое так уверено в существовании Земли Санникова, поговорить со мной.

В ответ на это приглашение из среды толпившихся слушателей выделился молодой человек в черной блузе, со смуглым лицом, изборожденным мелкими морщинами, которые летний зной, зимние стужи, резкие ветры накладывают на кожу. Пробравшись к Шенку, он заявил:

— Это я сказал и повторю еще раз, если нужно!

— Пройдемте в библиотеку! Здесь в толкотне невозможно беседовать! — произнес Шенк, окидывая смельчака пронизательным взглядом из-под густых нависших бровей.

Подхватив молодого человека под руку, Шенк увлек его через боковую дверь в задние комнаты библиотеки, в канцелярию общества.

В канцелярии было тихо и пусто. Академик сел за стол секретаря, пригласив жестом своего собеседника воспользоваться вторым стулом. Закурив папироску, он сказал:

— Я вас слушаю. Что знаете вы о Земле Санникова?

— Позвольте сначала объяснить, кто я, — ответил молодой человек. — Я прожил пять лет как политический ссыльный в селе Казачьем, в устье реки Яны. Живя в этом медвежьем, лучше сказать — беломедвежьем, углу, я познакомился с местными так называемыми промышленниками — грубыми, невежественными людьми с точки зрения столичной культуры, но людьми с добрым сердцем и смелой душой. Каждый год вес-

ной, когда дни становятся длинными, но лед еще крепко, они совершают отважные поездки на Новосибирские острова за мамонтовыми бивнями, которых там много... Среди этих промышленников некоторые ясно видели Землю Санникова и твердо убеждены в ее существовании.

— Это неубедительно! — заметил Шенк. — Вы слышали в докладе, что горы, которые видели Санников и Толль, — не что иное, как огромные ледяные торосы, и что горы на этой воображаемой земле должны были бы достигать двух тысяч двухсот пятидесяти метров высоты, чтобы их можно было видеть с острова Котельного. Таких высоких гор среди Ледовитого океана не может быть.

— Это предположение, но не факт!

— Кроме того, Толль, до высадки на остров Беннетта, тщетно искал эту землю на своей яхте «Заря», которая проплыла вблизи того места, где предполагалась земля.

— Это может доказать только, что земля находится севернее, а не так близко к Котельному острову, как думали Санников и другие видевшие ее, но не точно оценившие расстояние, — возразил молодой человек.

— Вы правы! — сказал Шенк. — Но дело в том, что, кроме этих свидетельств, согласитесь — крайне шатких, мы не имеем ничего другого, вернее — ничего определенного, если не считать сведений о пролете птиц куда-то на север.

— Почему вы считаете это недостаточно определенным указанием? — удивился молодой человек. — Уже Врангель сообщил об этом, Майдель подтвердил, а население Севера вполне точно указывает, что летнее обилие птиц на северном берегу Сибири прерывается в двух местах побережья: во-первых, от реки Хромы до реки Омоя; во-вторых, в пятидесяти километрах западнее мыса Якан и до мыса Рыркайпий¹. В этих местах лов всегда незначителен, но зато виден пролет птиц на север.

¹ Рыркайпий — чукотское название мыса Северного, теперь переименованного в мыс Шмидта.

ЗЕМЛЯ САННИКОВА

— С западного участка птицы летят на Новосибирские острова, а с восточного — на остров Врангеля, — возразил Шенк.

— Так думали прежде, но это неверно. Остров Врангеля очень высок и скалист и почти все лето остается под снегом. Места для гнездования таких птиц, как гуси и утки, на нем слишком мало. Но для нас интересен западный участок.

— Да, с него птицы летят на Новосибирские острова.

— На этих островах, как оказывается, летует очень немного птиц, а большая часть густыми стаями продолжает лететь на север. Это не раз подтверждали мне промышленники в Устьянске, Русском Устье, Ожогине, посещавшие острова; то же знал и Санников. Летят: белый гусь, гага, разные утки, кулики, щеглы и прочие — все питающиеся растениями или мелкими животными, живущими за счет растений. Отсюда следует, что на севере есть еще суша, достаточно обширная и покрытая растительностью.

— Да, эта суша — остров Беннетта, — заметил Шенк. — Из документа, оставленного Толлем, мы узнали, что на этом острове летуют два вида гаг, один вид куликов, снегирь, пять видов чаек...

— Ни гуси, ни утки не упомянуты! — рассмеялся молодой человек. — А они составляют большую часть перелетных птиц. Это характерно! А обратили ли вы внимание на слова того же документа, что Толль видел орла, летевшего с юга на север, сокола, летевшего с севера на юг, и гусей, пролетавших стаями с севера, то есть возвращавшихся в конце лета с этой неизвестной земли на материк?

— Совершенно верно! — подтвердил академик.

— И Толль прибавляет: вследствие туманов землю, откуда пролетали эти птицы, так же не было видно, как и во время прошлой навигации Землю Санникова.

— Какая у вас хорошая память! — удивился Шенк.

— Я внимательно слушал доклад, и документ Толля укрепил мою уверенность в существовании Земли Санникова и именно севернее, чем предполагали. Это и заста-

вило меня высказаться так категорически. Что же касается Беннетта, то, как вы тоже слышали, этот остров слишком мал и слишком загроможден льдами, чтобы давать приют многочисленным птицам. Толль подтвердил это: снегири, кулики, чайки, два вида гаг — вот все его летние гости.

— Но земля, расположенная еще севернее, например под восьмидесятым градусом широты, должна быть еще больше покрыта льдами; следовательно, также не может прокармливать много птиц.

— Куда же летят в таком случае эти глупые птицы? — рассмеялся молодой человек.

— Право, не знаю. Может быть, через Северный полюс в Гренландию, хотя это невероятно, — ответил Шенк, пожимая плечами.

— А нельзя ли предположить, что в силу каких-то особых условий Земля Санникова, несмотря на свое северное положение среди льдов полярного океана, пользуется более теплым климатом, чем острова Беннетта и Новосибирские, находящиеся южнее?

— Ну, это уже просто фантазия, прошу извинить! — возразил академик, немного рассердившись. — Для такого предположения, кроме пролета птиц, никаких оснований нет.

— Может быть, там находится вулкан, согревающий почву, — не унимался молодой человек, — или горячие ключи!

— Дым вулкана был бы давно замечен вашими же промышленниками и мореплавателями. Не забудьте, что и Нансен проплыл на «Фраме» во время своего дрейфа во льдах вблизи того места, где предполагалась эта таинственная земля, но ничего не видел.

— А известно ли вам о странном исчезновении целого народа онкилонов, жившего на Севере? Теснимые чукчами, они ушли куда-то с материка со всеми своими стадами, и больше о них никто не слышал, и где они — неизвестно.

— Да, помнится, о них собирали сведения Врангель, Норденшельд и Майдель. Но я этнографией не занимаюсь...

Звонок, громко прозвучавший в библиотеке, прервал слова академика. Шенк встал:

— Нужно идти слушать следующий доклад. Но ваши соображения все-таки заинтересовали меня — нам нужно еще поговорить. Приходите ко мне на дом через неделю, вечером. Вот мой адрес.

Шенк достал из бумажника визитную карточку и, передавая ее своему собеседнику, прибавил:

— Я справлюсь в литературе об этих онкилонах. И позондирую в академии почву насчет новой экспедиции для поисков Толля, хотя сильно сомневаюсь в успехе. Во всяком случае, приходите.

Исчезнувший народ

Шенк был старый холостяк, много путешествовавший в молодости; он производил исследования и в низовьях Енисея, разыскивая остатки мамонта на тундре, и в Забайкальской области, и на Амуре, и даже на Сахалине, вскоре после присоединения этого далекого края к России, изучая его геологию и флору. Вернувшись в столицу, он погрузился в обработку собранных материалов.

Жил он одиноко и крайне скромно, употребляя значительную часть своего академического жалованья на помощь начинающим ученым и на субсидии экспедициям в интересовавшую его Сибирь и в полярные страны. Немало денег его ушло на путешествие Толля, которого он высоко ценил как исследователя, и на поиски его следов.

Вернувшись с торжественного заседания, Шенк пришел за чтение сведений о загадочном племени онкилонов.

Несколько веков назад они населяли весь Чукотский полуостров, но затем были вытеснены чукчами к берегу Ледовитого океана. По телосложению, одежде, языку и образу жизни они сильно отличаются от чукчей, и ближайшими их родственниками являются алеуты острова Кадьяк.

Норденшельд во время своего плавания на корабле «Вега» вдоль берегов Северной Сибири в районе мысов Иркайпий¹, Шелагского и Якан в изобилии находил брошенные жилища онкилонов, представлявшие землянки своеобразного типа, до половины углубленные в почву и с кровлей из китовых ребер, присыпанных землей. При раскопках были найдены различные орудия из камня и кости — топоры, ножи, наконечники копий и стрел, скребки и проч., нередко даже еще с костяными и деревянными рукоятками, сохранившимися в течение веков благодаря мерзлоте почвы вместе с ремнями, которыми наконечники и топоры были прикреплены. Онкилоны не знали употребления железа и других металлов и были в полном смысле слова людьми каменного века.

По рассказам чукчей, собранным Врангелем, причиной ухода онкилонов с берегов Ледовитого океана была кровавая распря на почве родовой мести между их вождем Крэхоем и предводителем оленных чукчей. Спасаясь от преследования последнего, Крэхой с немногочисленными остатками племени сначала укрепились на скалах мыса Северного, затем перебрались на остров Шалауров, и наконец на пятнадцати байдарках они уплыли на землю, горы которой видны вдаль в Ледовитом океане с мыса Якан (то есть на остров Врангеля).

¹Иркайпий на карте Норденшельда соответствует мысу Рыркайпий, или Северному, русских карт.

ЗЕМЛЯ САННИКОВА

«Сведения довольно скудные и противоречивые, — подумал Шенк, закрывая последнюю книгу. — Во всяком случае, интересно: куда девался этот народец?»

В течение следующих дней Шенк, согласно «обещанию нащупать почву в академии», переговорил с некоторыми из академиков, наиболее заинтересованными в изучении полярных стран, но не встретил с их стороны сочувствия плану новой экспедиции для поисков Земли Санникова и следов барона Толля. Солидного ученого, которому могли бы быть поручены новые исследования полярных стран, не было в виду, а давать деньги какому-то фантазеру было бы неосторожно и выхлопотать такие неудобно.

В конце концов Шенку пришлось подсчитать собственные финансы. Он решил, что тысячей-другой может рискнуть на это предприятие, но это казалось ему недостаточным.

«Ну что же, — подумал он, — инструменты ему доставим даром в разных ведомствах, а долгие года эта экспедиция продолжаться не должна. За это время он или найдет эту землю, и тогда дело можно повернуть совершенно иначе и средства будут, или убедится, что такой земли нет, и мы успокоимся».

Дело налаживается

условленный день и час молодой человек явился. Шенк ждал его.

— Я перечитал все, что известно об онкилонах, — сказал он, — и нахожу, что сведения противоречивы. Несомненно, что этот народ существовал и воевал с чукчами, оставил после себя жилища, каменное и костяное оружие. Но куда он исчез — неизвестно. Остается думать,

что онкилоны или погибли на одном из островов вследствие слишком суровых условий жизни и недостатка промысловых животных, или остались на материке и вымерли давно от какой-нибудь эпидемии.

— Если бы они погибли на островах, там были бы найдены в изобилии их кости, — возразил собеседник. — Люди бесследно не исчезают. Если бы они вымерли на материке, об этом сохранились бы предания у их новых соседей — якутов, тунгусов, ламутов. Таких преданий нет совершенно.

— Так где же они, наконец? — воскликнул Шенк. — Не на небо же они взяты живыми!

— Они, очевидно, на Земле Санникова — там же, куда летят перелетные птицы, которые, вероятно, служили им проводниками.

— Да если бы люди могли летать, я бы этому охотно поверил. Но онкилоны летать не умели и должны были пробраться на эту землю или по воде, или по льду.

— По воде они не плыли, потому что взяли с собой свои стада, а это слишком тяжелый и беспокойный груз для байдар.

— А по льду они пройти не могли. По всем имеющимся сведениям, Ледовитый океан замерзает не на всем протяжении; на некотором расстоянии от берега всегда остается более или менее широкая полоса открытой воды. Поэтому ни один чукча — а они достаточно смелый народ — не побывал на острове Врангеля и ни один промышленник — они тоже не трусы! — не достигал острова Беннетта. И гибель барона Толля доказывает, что по льду пройти нельзя!

— Все это совершенно справедливо вообще, — спокойно возразил молодой человек горячившемуся академику. — Но вспомните, что климат не всегда одинаков, холодные периоды чередуются с теплыми в зависимости от солнечных пятен...

— Ну конечно, я это знаю! — заметил Шенк.

ЗЕМЛЯ САННИКОВА

— Мы знаем, что онкилоны перебрались на Новосибирские острова — там тоже найдены их землянки и другие следы пребывания.

— Ну хорошо!

— Они нашли, что место это плохое для жизни, мало зверя, птицы и год от году будет меньше в результате охоты. Перспектива голода должна была гнать их дальше, а птицы, пролетавшие большими стаями на север, показывали им, что там должна быть земля, гораздо более богатая дичью. Предположим, что как раз в это время был холодный период, выпало несколько особенно суровых зим и море замерзло. Ранней весной, когда дни уже длиннее, онкилоны благополучно перебрались на Землю Санникова.

— И вымерли там от холода и голода, потому что невозможно допустить, чтобы под восьмидесятым градусом широты была земля, удобная для жизни человека. Гуси, утки, может быть, находят себе пищу на оттаивающей тундре, а человек...

— Человек добывает этих птиц, моржей, тюленей, белых медведей, рыбу и живет в Гренландии и на островах к северу от Америки, на Шпицбергене и Новой Земле, — живет, даже любит эти полярные страны и скучает по ним, если попадет на юг.

— Я вижу, вы вполне убеждены в существовании Земли Санникова и на ней онкилонов.

— В первом я убежден, второе считаю единственно возможным объяснением их исчезновения.

— К сожалению, академия не разделяет этого мнения. Я наводил справки. Мои коллеги убеждены, что этой земли нет и что Тольль погиб.

— Очень печально, если это так, потому что единственное место, куда мог спастись Тольль, — это Земля Санникова. Я не утверждаю, что он там, но это возможно, и только там остается искать его следы.

— Едва ли найдутся теперь охотники искать эту землю и его следы после всего, что сделано, даже если бы нашлись деньги.